

Увидев предельно смущенный вид Сяо Муюй, Лин Цяньвэй наконец остановилась и с улыбкой добавила:

— Если подумать, по старшинству ты ведь моя самая настоящая младшая двоюродная сестрица!

От этих слов щеки Сяо Муюй покраснели еще сильнее, и на поляне воцарилось короткое молчание. Все посмотрели на развернувшуюся перед ними сцену и не смогли сдержать улыбок.

Кризис миновал. Все убрали оружие, уселись кружком и, переведя дух, принялись непринужденно болтать. Мало-помалу разговор переключился на беловолосую лори Гу Баймяо, стоявшую рядом с Шэнь Сюцин.

Тогда-то спутники и узнали, что эта на вид мягкая и миловидная лори обладает поистине выдающимся происхождением: она — законная принцесса Расы Белых Змей с Континента Северной Луны, особа благородная и с самого детства окруженная всеобщей любовью. Однако совсем недавно ее родной младший брат Гу Моюань проявил волчий аппетит и звериную жестокость. Ради захвата императорской власти на Континенте Северной Луны он без колебаний предал собственную семью, запятнал Гу Баймяо клеветой, выставив ее предательницей расы, а заодно тайком заточил в темницу собственных родителей. Захватив полную власть над Расой Белых Змей, он возжаждал единолично править Континентом Северной Луны и стать государем своего поколения.

Выслушав этот рассказ, Цзинь Бугуй не удержался, широко вылупил глаза и от чистого сердца восхищенно изрек:

— Ради власти он посмел и родных родителей запереть, и старшую сестру оклеветать! Ну просто преданнейший сын без страха и упрека!

Услышав это, окружающие согласно закивали, выказывая глубокое презрение и жгучее возмущение поступком Гу Моюаня.

Сяо Муюй посмотрела на праведный гнев товарищей, а затем на сидевшую рядом с ней погруженную в тоску Гу Баймяо. Поддавшись порыву, она полушутя взмахнула рукой и громко заявила:

— Раз уж Гу Моюань зашел так далеко, почему бы нам всем вместе не собрать армию, не пойти войной на Гору Теней Луны, не помочь Баймяо вернуть законную власть и не задать трепки этому неблагодарному сынку!

Она бросила это просто так, чтобы оживить атмосферу, и вовсе не думала всерьез, но едва затихли ее слова, как все вокруг мгновенно пришли в движение!

— Отлично!

— Я согласен! Идем на Гору Теней Луны!

— Поможем принцессе Баймяо восстановить справедливость!

Сперва Бай Цинсюэ, Шэнь Сюцин и Цзинь Бугуй — все близкие друзья — согласно закивали. А следом за ними почти десять тысяч бойцов Банды Чёрной Одежды по знаку молодого главы Лин Цяньвэй дружно опустились на одно колено и грянули в один голос: их крики сотрясли землю и напрочь заглушили голос Сяо Муюй.

Сяо Муюй вмиг остолбенела, принялась испуганно махать руками и в панике забормотала:

— Нет-нет-нет! Я же шучу! Я просто так сболтнула, не принимайте всерьёз!

Но в этот момент ее уже никто не слушал.

Лин Цяньвэй уже отдала приказ: бойцы Банды Чёрной Одежды быстро сплотились и привели ряды в порядок; Наньгун Шухэн извлек из хранилища Секты Мо особый массив и специальный резец, прямо на месте принимаясь чертить крупномасштабный межконтинентальный массив телепортации. Заструился духовный свет, линии узора обрели форму, и не прошло и мгновения, как всё было готово.

Все приготовления завершились. Наньгун Шухэн посмотрел на собравшихся и тихо произнес:

— Массив телепортации готов, можно отправляться на Континент Северной Луны.

Глядя на готовых к бою товарищей, на исполненную решимости Гу Баймяо и на горящих энтузиазмом друзей, Сяо Муюй в конце концов безнадежно вздохнула и, махнув рукой с видом человека, которому уже всё равно, сдалась:

— Ладно-ладно, пускай! Будь что будет!

С этими словами Лин Цяньвэй схватила Сяо Муюй за руку и первой шагнула в телепортационный массив. За ними последовали Бай Цинсюэ, Шэнь Сюцин, Гу Баймяо, Цзинь Бугуй, Кан Хаонуо, Наньгун Шухэн, Ся Хуайнь и Юнь Фуинь, а следом ровными рядами влилась почти десяти тысячная армия Банды Чёрной Одежды.

Золотистое духовное сияние мгновенно охватило всё вокруг, яркий свет залил пространство, реальность исказилась, и в следующее мгновение силуэты десятых героев вместе со всем войском Банды Чёрной Одежды бесследно растворились во Фруктовом лесу Чжужуфэн, перенеслись за тысячу ли и очутились на укрытом снегами и льдами Континенте Северной

Луны.

Огромное войско Банды Чёрной Одежды численностью почти в десять тысяч человек предприняло совместный межконтинентальный поход с прямой целью добраться до Горы Теней Луны и сокрушить Гу Моюаня — непутевого брата Гу Баймяо. Из-за столь колоссального числа людей любые действия — будь то скрытное проникновение с целью внезапного нападения или фронтальная атака — неизбежно сталкивались с ограничениями, затягивались и грозили преждевременной утечкой информации. Поразмыслив немного, Лин Цяньвэй сняла с пояса черный как смоль жетон с высеченной на нем эмблемой Банды Чёрной Одежды, влила в кончик пальца духовную силу и легко подбросила его вверх. Жетон завис в воздухе, выпуская волны притягивающего духовного света. Следом раскрылся огромный пространственный коридор, в который втянуло всех учеников Банды Чёрной Одежды. Их заблаговременно разместили в скрытой долине на дальних подступах к Континенту Северной Луны в ожидании приказа, а в путь налегке отправились лишь десятеро: Сяо Муюй, Бай Цинсюэ, Шэнь Сюцин, Гу Баймяо, Цзинь Бугуй, Кан Хаонуо, Наньгун Шухэн, Ся Хуайнь, Юнь Фуинь и Лин Цзывэй.

Сяо Муюй моргнула светло-голубыми глазами, оглядела пустую снежную равнину и не удержалась от возгласа:

— И вот так запросто всех упрятала внутрь? Сестрица, ты просто... ух!

Лин Цзывэй с улыбкой убрала жетон и предложила углубиться вглубь Континента Северной Луны пешком. Все с готовностью кивнули, желая полюбоваться уникальными зимними пейзажами северных снежных равнин.

Четвертое июля 024 года Эры Тянью. Отряд стоял на пограничной снежной равнине на самом севере Континента Северной Луны. Бескрайние снега простирались на тысячу ли, леденящий холод пробирал до костей; земля была скрыта под толстым слоем сияющего снега, голые ветви деревьев обросли сосульками. Во всем мире остались лишь чистая белизна и холодная синева. Так официально началось приключение десяти спутников на Континенте Северной Луны.

Ступив на эти новые земли вечного холода, все с трудом сдерживали детское любопытство. Из них больше всего неумейной жадной познания отличались две юные девушки, выросшие у воды, — Сяо Муюй и Кан Хаонуо. По дороге они то и дело норовили потрогать и покрутить в руках любую незнакомую диковинку, но на беду обе отличались поистине ужасной удачливостью: стоило им к чему-нибудь прикоснуться, как тут же навлекали на себя беду.

У обочины дороги то тут, то там росли чисто-белые плотоядные цветы с мясистыми лепестками. Их лепестки казались мягкими и безобидными, но внутри были усеяны рядами острых мелких клыков. Кан Хаонуо показалось, что белые лепестки выглядят очень мило, и она не удержалась, ткнув пальцем в самую серединку цветка. В следующее мгновение лепестки плотоядного цветка с треском захлопнулись, мгновенно проглотив девушку целиком — наружу торчал лишь кончик фиолетового конского хвоста.

Компания в мгновение ока переполошилась и хором закричала:

— Спасайте акулу! Хаонуо!

Шэнь Сюцин тут же призвала Копье Кровавого Лотоса и пронзила стебель цветка, а Ся Хуаинь пустила в ход Божественный Огонь Света и Тьмы, чтобы опалить лепестки. Лишь после долгих хлопот им удалось вытащить из пасти цветка одурманенную Кан Хаонуо.

Не успели спутники перевести дух, как внимание Сяо Муюй привлекла белая духовная белка, сидевшая на сосне неподалеку. Зверек прижимал к груди огромную шишку, сверкавшую нефритово-белым цветом. Муюй протянула руку, желая взять шишку поиграть, но едва ее пальцы коснулись скорлупы, как белка рассвирепела. Ее белая шерсть встала дыбом, а тело увеличилось в несколько раз, превратившись в гигантскую снежную белку ростом с получеловека. Оскалив острые клыки, она с безумным видом бросилась преследовать Сяо Муюй по всей округе.

Спутникам пришлось разделиться, чтобы остановить гигантскую белку. Охраняя бегущую сломя голову Муюй и совместными усилиями умирив мутировавшего духовного зверя, они подняли такой переполох, что вновь не выдержали и хором заорали:

— Спасайте рыбу! Муюй, не бегай так быстро!

Кое-как справившись с двумя неожиданными напастями, отряд присел отдохнуть у сухого ствола в Лесу Снежных Сосен. Цзинь Бугуй посмотрел на покрытых крупинками снега и донельзя растрепанных Муюй и Хаонуо и не удержался, качая головой:

— И правда неразлучные подружки с пеленок! Мастаки влипать в неприятности друг перед другом, тут снимаю шляпу.

Не успели затихнуть его слова, как стоявшие рядом Бай Цинсюэ, Наньгун Шухэн и Лин Цзывэй переглянулись с удивительным взаимопониманием и синхронно взмахнули ногами, дружно отправив ничего не подозревающего Цзинь Бугуя прямиком в замерзшее наполовину ледяное озеро.

С глухим звуком плюха Цзинь Бугуй с головы до ног покрылся ледяной водой, забарахтался в полынье и задрожал от холода. Среди взметнувшихся брызг со дна озера медленно поднялось божество воды в полупрозрачных ледяных одеждах, с мягким и кротким выражением лица. По заведенному древнему обычаю оно спокойно задало вопрос:

— Смертные, вы только что уронили в озеро кое-что ценное. Ответьте, потеряли ли вы этого золотого дракона Цзинь Бугуя целиком из чистого золота, или же вот этого серебряного дракона Цзинь Бугуя целиком из чистого серебра?

Все дружно посмотрели на трясущегося от холода в воде Цзинь Бугуя и в один голос замахали руками:

— Простите, мы ничего не роняли, и этого дракона из озера мы совсем не знаем!

Услышав это, глаза божества воды мгновенно загорелись от восторга. Оно хлопнуло в ладоши и рассмеялось:

— Какое счастье! Давно мне не встречались столь честные существа! Вы потревожили мой сон, но так и быть, верну вам этого обычного Цзинь Бугуя!

С этими словами мягкий поток воды вытолкнул окоченевшего Цзинь Бугуя обратно на берег. Лин Цзывэй задумалась и тихо пробормотала:

— По слухам, речные божества ведут себя иначе... Почему речной бог и божество озера так сильно отличаются?

Стоявшая рядом Гу Баймяо мягко пояснила:

— В разных местах свои законы. Это особое божество Ледяного Озера Бэйюэ, его нельзя мерить одной меркой с обычными речными духами.

Лин Цзывэй внезапно всё поняла и тихо пробубнила:

— Знала бы я, что божество озера такое сговорчивое, скинула бы его туда подольше.

Копотившийся на берегу вымокший до нитки Цзинь Бугуй, у которого от холода стучали зубы, вдруг ощутил, как по спине пробежал холодок. Он растерянно огляделся по сторонам, смутно чувствуя, что кто-то против него замышляет недоброе, и невольно поежился:

— Почему спину так холодит? Четкое ощущение, что быть беде.

Время приближалось к девяти вечера. После всех дневных мытарств первыми сдали позиции водные обитательницы — Кан Хаонуо и Сяо Муюй. Они годами жили в воде, и их кожа и кровеносные сосуды нуждались в постоянном подпитке влагой. Однако на границе Континента Северной Луны в поле зрения попадались лишь вечные льды и толстый слой слежавшегося снега. Воздух стоял сухой и колючий, а долгая нехватка воды заставила губы девушек потрескаться, циркуляция духовной силы замедлилась, и они чувствовали себя из рук вон плохо.

Заметив это, спутники решили разбить лагерь неподалеку, перед густым Лесом Снежных Сосен, и поставить временные палатки, чтобы переждать ночь.

Лагерь возвели быстро, распределив обязанности: каждый четко знал свое дело. Обновления глав... Ся Хуайнь и Юнь Фуинь одновременно пустили в ход собственное божественное пламя:

светлое и темное, подобное птице и алой фениксу. Два мягких языка пламени обвили дно котла, постепенно растапливая лед в чистую теплую воду, пригодную для питья и умывания.

Тем временем Наньгун Шухэн при помощи особых охотничьих приспособлений Секты Мо в сочетании с Лунным Луком Теневой Луны Гу Баймяо отправился вглубь снежной равнины на охоту. Он вернулся с целой корзиной свежих ингредиентов: ледяной рыбой из озера и снежными зверями. Цзинь Бугуй тут же выставил в ряд несколько железных и глиняных котлов разного размера, а Лин Цяньвэй добровольно взялась за кулинарию. Годы странствий по самым разным краям в составе Банды Чёрной Одежды приучили ее прекрасно разбираться в кухнях восьми провинций, так что с дичью и духовными ингредиентами она управлялась играючи.

Нарезка, тушение, жарка и варка шли своим чередом. Не прошло и много времени, как деревянные столы заставили обильными, источавшими густой аромат блюдами, прогнавшими дневную зимнюю стужу. Все уселись вокруг и как следует поужинали, сбросив усталость от долгих странствий.

В двадцать три ноль шесть ночь окончательно укутала снежную равнину, а в палатках воцарилось приятное тепло. Все девушки забились в одну просторную палатку, укрылись одним толстым одеялом из звериных шкур и, усевшись кружком, затаили тихие шепотки, делясь прошлыми забавными историями и сердечными тайнами в мягкой и уютной атмосфере. И лишь Цзинь Бугуй одиноко лежал в соседней одиночной палатке: тонкое одеяло вовсе не спасало от полуночного холода, так что ему оставалось лишь свернуться калачиком в одиночестве, переполненному обидой.

На следующий день, пятого июля 024 года Эры Тяньу, ровно в шесть утра бледный утренний свет едва заметно пробился сквозь кроны сосен, падая на снежный покров.

Сяо Муюй спозаранку приподняла занавеску палатки и выбралась наружу. Издалека она заметила у кромки воды одинокую фигуру: это был Цзинь Бугуй с удочкой в руках, неподвижно сидевший над лункой. Рядом с ним стоял плетеный короб, доверху набитый свежей рыбой. Муюй не удержалась, подошла ближе и с улыбкой поддразнила:

— Ого, какая невиданная старательность! С самого утра уже рыбачишь?

Подойдя ближе и разглядев темные круги под глазами Цзинь Бугуя, выдававшие человека, который просидел на водоеме всю ночь напролет, она ехидно добавила:

— А-а, так ты вообще не ложишься спать, вон какие мешки под глазами нагулял.

Взгляд Муюй упал на доверху заполненный крупной ледяной рыбой короб, и ее глаза мгновенно засияли. В мыслях она радостно зашуршала планами: столько свежей рыбы! Если отнести это сестрице на готовку, сегодня снова удастся объесться от души!

Пока она вовсю предавалась сладким мечтам, сзади слышались два мягких шага. Это были Бай Цинсюэ и Лин Цзывэй. Их взгляды упали на рыбный короб, и они в один голос поинтересовались:

— Та сестрица, о которой ты говоришь, — это которая из нас?

Тело Муюй мгновенно задеревенело, мозг заработал на предельных оборотах, лихорадочно выискивая благовидный предлог. Но в душе царила такая паника, что голос дрожал и не слушался, а слова срывались с языка вперемешку:

— К-конечно же, обе сестрицы! И сестрица Цинсюэ, и сестрица Цзывэй! У вас обеих кулинарный талант на высоте, так что поделить поровну — самое то! (Про себя: знала бы я, что не стоит разбрасываться титулом сестрицы налево и направо!)

Выпалив это, Муюй сама принялась за дело: она аккуратно разделила полный короб рыбы на две равные порции и протянула их Бай Цинсюэ и Лин Цзывэй.

Сидевший у озера Цзинь Бугуй наконец пришел в себя. Увидев, что плоды его ночной рыбалки бессовестно растаскивают, он поспешно подал голос:

— Эй, стойте! Вы чего это просто так всё забираете? Эту рыбу вообще-то я всю ночь напролет удил!

Однако две девушки уже повернулись и направились обратно к лагерю, даже не взглянув на его протесты.

Спустя полчаса остальные проснулись и повылазили из палаток. На деревянном столе красовалось бесчисленное множество рыбных блюд: паровая ледяная рыба, тушеная снежная рыба, жареное филе, рыбный суп, хрустящие рыбные шарики... Весь стол был заставлен рыбой от края до края.

Кан Хаонуо взяла палочки и отломил кусочек: мясо оказалось нежным и пропиталось специями, вкус был отменным, но вот сладости оказалось чересчур много, и приторный вкус ударил прямо в горло. Она слегка поморщилась, принимаясь медленно пережевывать крошечные кусочки. А вот Сяо Муюй с рождения питала слабость к сладкому: перед лицом целого стола сладких рыбных блюд она уплетала за обе щеки, палочки мелькали туда-сюда, и остановиться она была не в силах.

Ближе к концу трапезы Бай Цинсюэ и Лин Цзывэй одновременно перевели взгляды на Муюй и ласково поинтересовались, чья же стряпня пришлась ей по душе больше. Муюй растерянно огляделась: по обе стороны от нее стояли те, кто был ей дороже всего и кто относился к ней с такой нежностью. Выбрать было совершенно невозможно, голова шла кругом, и она принялась отчаянно мотать головой, не зная, как ответить, чтобы никого не обидеть, и выдавая лишь невнятное бормотание.

Не успела она договорить, как с обеих сторон одновременно протянулись две руки: одна прохладная, другая мягкая. Они синхронно и бережно заключили Муюй в объятия, ожидая ответа в тишине. Зажатая посредине Муюй залилась краской с ног до головы и совершенно потеряла дар речи.

После недолгой передышки Муюй снова открыла глаза и обнаружила, что лежит на мягком матрасе в палатке, а по бокам от нее сидят Бай Цинсюэ и Лин Цзывэй. В руках у каждой было по пиале с густым черным отваром, от которого исходил горький, резкий лекарственный запах.

Бай Цинсюэ взяла серебряную ложечку, зачерпнула теплое лекарство и протянула к губам Муюй, безмолвно и с мягкой улыбкой призывая выпить отвар без капризов. Лин Цяньвэй смягчила голос и принялась ласково уговаривать:

— Юй-Юй, послушайся, выпей лекарство, хорошо? После него организм перестанет страдать от холода.

Муюй металась между двух огней: с обеих сторон о ней искренне заботились, а обе пиалы с лекарством источали такую горечь, что делать глоток совершенно не хотелось. В этот критический момент мимо входа в палатку как раз проходил Цзинь Бугуй, несший свою пиалу с точно таким же отваром — судя по всему, он тоже простудился, вчерашний провал в ледяное озеро давал о себе знать, и ему требовалось лечение.

Глаза Муюй вспыхнули, словно она увидела спасательный круг. Она мгновенно задействовала тайную технику управления водой: с кончика ее пальца сорвалась крошечная струйка синеватой влаги, которая со свистом выхватила всё лекарство из пиалы Цзинь Бугуя, втянула его внутрь и заставила девушку осушить всё до последней капли залпом.

Покончив с этим, Муюй робко подняла глаза и встретила взглядом сперва с Бай Цинсюэ, а затем с Лин Цзывэй. Те переглянулись, синхронно опустили пустые пиалы на землю и сохранили абсолютно невозмутимый вид. Бай Цинсюэ протянула руку, ухватила Цзинь Бугуя за запястье и решительно поволокла прочь из палатки, а Лин Цяньвэй последовала за ними, по пути заботливо задернув полог, чтобы отгородить палатку от непогоды.

Внутри осталась лишь одна Муюй. Спустя две секунды снаружи разнесся пронзительный и полный обиды вопль Цзинь Бугуя — его крики долго раскатывались над Лесом Снежных Сосен, затухая лишь постепенно.

Вскоре Бай Цинсюэ и Лин Цзывэй вернулись в палатку, приподняв занавеску: обе пиалы с лекарством, доверху наполненные целебным отваром, сиротливо пустовали до последней капли.

Шестого июля 024 года Эры Тяньу в глубине Континента Северной Луны расстилалась безмолвная и необъятная снежная равнина.

Переведя дух на ночевке в Лесу Снежных Сосен, отряд из десяти человек восстановил силы, собрал вещи, распрощался с временным лагерем и уверенно зашагал в самую чащу соснового бора, держа курс строго на Гору Теней Луны.

Чем глубже они продвигались, тем более величественными и отрешенными становились окрестные пейзажи. Густые ряды крепких, мощных зеленых сосен возвышались над снежным ковром, а на их толстых ветвях лежали тяжелые сугробы пышного, мягкого снега, укладываваясь слой за слоем. Ветер, проносясь по верхушкам сосен, едва слышно шуршал опадающими снежинками, и даже свирепые порывы казались укрощенными этой лесной тишиной, не смея буйствовать. На лесных полянках исподволь распускались целые поляри белоснежных снежных лилий, покрытых крошечными ледяными кристаллами, чье прохладное благоухание струилось на запад. Сквозь переплетение сосновых ветвей и снежную дымку пробивались редкие лучи утреннего света, падая косыми лучами и создавая узорчатые тени среди чистейшего снега, зелени сосновой хвои и белизны лепестков. Вокруг царил такая тишина, умиротворение и одухотворенность, казалось, будто любые мирские распри и боины навсегда остались за гранью этого снежного леса.

Местами между сосновыми ветвями мелькала знакомая крошечная фигурка: то была та самая белая белка, которую пару дней назад побеспокоила и разозлила Муюй. Сейчас от ее ярости и следа не осталось — зверек бережно прижимал к груди шишку и потихоньку добывал пропитание, забавно покачивая своим пушистым белым хвостом.

На гладкой поверхности снега пролегалo несколько ровных и аккуратных глубоких следов от сапог — одинаковой глубины, уходивших далеко в сосновую чащу, под покровом тишины скрывая едва уловимую угрозу.

Спутники шли не спеша, рассеянно оглядывая окрестности. На вид они казались расслабленными, но бдительность, выработанная годами суровых испытаний, не ослабевала ни на секунду. Этот с виду мирный и безмятежный лесной массив, где даже буйные ветры не смели свирепствовать, таил в себе аномалии: излишнее спокойствие зачастую предвещало смертельную ловушку.

Так оно и вышло.

Стоило отряду неспешно ступить в самый центр соснового бора, как со стороны густых зарослей снежной травы внезапно донесся странный, едва различимый шорох.

Звук был почти невесомым, затерявшимся в шуме ветра и падающего снега. Но в следующую секунду из глубины зарослей взметнулся ослепительный леденящий блеск!

Холодный свет был настолько резким и властным, что в мгновение ока снес полутораметровые заросли снежной травы под корень; обломки растений и хлопья снега взвились в воздух, и едва расчистилось пространство, как там проступили несколько суровых, одетых в тяжелые серебряные доспехи фигур.

Это были элитные императорские воины снежных сосен Континента Северной Луны!

Белая белка, что секунду назад мирно добывала пищу на ветке, была напугана внезапным всплеском жажды убийства и блеском клинков. Ее крошечное тело сорвалось с ветки и рухнуло в сугроб, но приземление на толстый снег неожиданно издало звонкий глухой стук — по этому звуку можно было понять, что местная фауна уже давным-давно впитала в себя ледяную духовную ци, отчего кости и мышцы зверей обрели несокрушимую крепость.

Этот вечно безмятежный лесной уголок, где даже зимняя буря не смела разгуляться, в один миг захлебнулся в жажде крови. Из гущи травы, из-за сосновых стволов, из-под снежных холмов один за другим выскочили императорские воины. Их набралось не меньше полусотни: все до единого облачены в стандартные тяжелые ледяные доспехи, в руках — блестящие длинные самурайские клинки. Оправленная в броню осанка, звериный оскал и аура убийственного холода, выкованная в постоянных стычках на заснеженных равнинах, — они окружили отряд плотным кольцом, перекрыв десятке путников все пути к отступлению.

Отражения клинков на снегу, убийственная аура, заполнившая небеса — неизбежная битва в снежной засаде была уже наготове, готовая разразиться от малейшего толчка!

Десятка спутников вмиг сбросила с себя расслабленность, заняв заранее рассчитанные позиции. Каждое защищало свой сектор, одновременно призывая оружие судьбы и взрываясь потоками духовной энергии, чье давление тут же вступило в жесткое противостояние с враждебной аурой противника.

<http://bllate.org/book/19717/1938989>